

Хотя он был самым старшим в семье по возрасту, фактически он был на несколько поколений старше своего «папы».

У драконов всё иначе: их совершеннолетие наступает в семьдесят лет, тогда как у других рас — в пятьдесят.

Совершеннолетие — это огромный скачок для каждой расы на континенте Лоя. До этого момента они внешне ничем не отличаются от детей, выглядя как семи- или восьмилетние человеческие дети.

И лишь некоторые особые способности проявляются только после взросления.

За исключением людей.

Человеческая раса — самое низшее существование на континенте Лоя и единственная, которая не может эволюционировать.

Другие расы обычно смотрят свысока на людей, но никогда не связываются с ними без причины.

Не только потому, что среди людей есть два чрезвычайно мудрых лидера — Светлое Крыло и Тёмное Крыло, но и потому, что эта куча горячих голов легко приходит в неистовость.

Они слишком воинственны.

Может, они и не самые крутые, но всегда самые упорные!

Даже если у них в руках только мотыга или лопата, они будут биться насмерть, пока не испустят дух.

Конечно, это мы знаем сами, но почему-то не собираемся рассказывать об этом человеку, у которого, похоже, совсем вылетело из головы всё важное. →□→

— Шлеп!

В этот момент Лун Чэньсы, которому уже 62 года, но который всё ещё был самым маленьким и слабым в семье, получил подзатыльник от Сюн Мао. Сюн Мао был представителем редкого клана панд, чья сила и выдающийся ум вызывали зависть у многих рас.

— Маленький дракон, ты что, взбунтовался? Помни, что нужно называть меня вторым братом. Папа всё ещё болен, так что будь благоразумнее, — намек он был понятен: больной мужчина сейчас не спасёт, так что разыгрывать жертву бесполезно, малыш, маленький дракончик!

Сы Лан согласно кивнул, хотя его улыбка смотрелась довольно зловеще:

— Я третий брат, маленький дракон, не забывай использовать уважительные обращения.

Он всегда любил свои серебристые волосы и тщательно ухаживал за ними, поэтому не терпел, когда кто-то их оскорблял.

— Пф! Я самый старший в семье! Прекратите притворяться старшими! — Лун Чэньсы, чувствуя боль, с яростью замахнулся своими пухлыми кулачками.

Во мне всё загорелось.

Я хочу стать взрослым!

Я раздавлю вас всех, сволочей!

Шшшш! Огненный шар, обжигающий душу, полетел к любимым чёрным кудрям и густым бровям Лун Чэньсы, прежде чем тот окончательно вышел из себя. Пламя не распространилось, даже не задело жизненно важных точек, но устрашающий эффект был сильнее, чем если бы его чуть не убили.

Это не было случайностью, это было предупреждение.

А тот, кто выдохнул огонь, «истинный глава семьи», с безразличным видом погладил мягкие волосы Сы Лана и сказал без эмоций:

— Извинись перед всеми.

— Простите, старший брат, второй брат, третий брат, я был неправ, — Лун Чэньсы застыл, произнося каждое слово, едва слышно.

В этом мире правят сильнейшие.

В тёмном углу, где, укрывшись старым пледом, дремал пятый, Слайт, медленно открыл глаза.

И так же тихо закрыл их.

— Папа! — Лун Чэньсы тихо всхлипнул, поднял голову и встретился взглядом, полным заботы, с мужчиной. Как только его напряжённые нервы немного расслабились, он почувствовал, как горячие руки легли ему на голову.

— У-у-у... Папа! — Слёзы, которые он сдерживал, тут же хлынули из глаз.

И тут началось представление актёра.

Маленькие ручки обвили шею Сыту Тяня, сопли и слёзы размазались по одежде, а голос звучал жалобно:

— Папа! Братья... обижают меня!

Раз, два, три — трое одновременно «...».

Этот парень... он действительно принадлежит к высшей расе?

Сюн Мао потер виски, чувствуя, что им самим стало стыдно.

— Не плачь, — Сыту Тянь мягко погладил его по голове, а вопросительный взгляд перенёс на старшего брата. — Янь, что случилось?

Он что-то пропустил, пока пребывал в полудрёме.

Действительно, дети не только намеренно говорили тихо, но и каждое их слово было оборвано на полуслове, очень ловко уводя от истинного смысла. В воздухе разнёсся лишь лёгкий запах гари.

Ммм... что-то не так с волосами и бровями четвёртого...

— Янь?

— Ничего, — старший брат опустил голову, избегая взгляда Сыту Тяня.

А Сы Лан, подпрыгивая на своих коротких ножках, подбежал к Сыту Тяню и, прежде чем заговорить, широко улыбнулся.

Если дело касалось умиления, он не уступал маленькому дракону!

— Папа, это всё четвёртый! Он вечно доставляет хлопоты, ох! — Я такой заботливый старший брат, ты меня похвалишь?

Сюн Мао вовремя вставил своё слово:

— Да, четвёртый совсем не слушается. Мы уже сто раз говорили ему, чтобы он не баловался с огнём.

Лун Чэньсы: «...».

Баловался с огнём?

«Если бы я действительно баловался, я бы первым делом поджёг ваши яйца! Во благо клана!»

Но, сжав губы, он смог выдать только два слова:

— Сволочи!

Да ещё и тихо, почти неслышно.

Хотя в душе его бушевали тысячи слов, он умолк, встретившись взглядом с Сыту Тянем.

«Я дурак, если думаю, что могу объяснить это глупому человеку! Особенно тому, у кого, похоже, совсем вылетело из головы, что мы были им «подобранны»!»

«Он верит всему, что ему говорят, просто смешно!»

«Даже если я ему скажу, разве он поймёт?»

«И чем он мне поможет?»

«Разве что даст мне лишний кусочек курятины на обед!»

Хм.

«Мы, великие драконы, умеем гнуться и разгибаться! Терпеть и выжидать!»

Так что...

— Прости, папа, я был неправ. Больше не буду играть с огнём! Буду слушаться тебя и братьев.

Пока не стану взрослым.

«А потом, когда я стану взрослым, я вознесусь и превращу вас всех в свой обед! Яйца тоже поджарю и съем!»

Трое с презрением посмотрели на дракона. Если бы ты не говорил это сквозь зубы, мы бы, может, и поверили на пару минут.

Что-то тут не так.

Сыту Тянь так и не понял, что именно было не так, пока не нашёл в доме единственные ножницы, что ещё не заржавели, и не подстриг Лун Чэньсы.

«Может, я просто придумываю».

Заодно он подстриг свои сальные длинные волосы. Не знал, сколько дней их не мыли, но это было ужасно.

— Апчхи!

— Папа, вот салфетка.

— Спасибо, третий.

— Папа, лучше зови меня Маленьким Волком, так меня зовут Янь и другие, — Сы Лан снова использовал своё милое личико, чтобы вызвать умиление. Его серебристые волосы слегка завивались. — В доме остались только одноразовые салфетки, если тебе не хватит, есть ещё несколько, которые использовали дважды, но их ещё не выбросили.

— ... — Сыту Тянь помолчал. — Нет, этого хватит.

Мягкая жёлтая салфетка в его руках казалась одновременно и ненужной, и слишком ценной.

Таково было положение дел в доме.

А самым радостным событием этого дня стало то, что во время уборки деревянных обломков и поисков ножниц из кучи мусора случайно откопали бутылку с ещё не просроченным спиртом.

Сыту Тянь, стиснув зубы, протёр всё тело этим едким веществом, а со спиной ему помог молчаливый старший брат.

Теперь, без кровати, все шестеро спали на полу.

«Что мне делать?» — Сыту Тянь молча смотрел на потолок.

Слева лежал Лун Чэньсы, который спал в нелепой позе, всем телом прижавшись к нему. Справа — Сы Лан, который любил строить милые мордашки и бережно относился к своим волосам.

Слева и справа от него лежали старший и второй брат, укрытые пледом, который нашли в мусоре и который лишь с натяжкой годился, чтобы укутаться.

Когда прижмёт, понимаешь, что грязь лучше холода.

А где же пятый?

Взгляд Сыту Тяня скользнул в угол, где, укрывшись одеялом, спал маленький комочек.

Когда он туда перебрался?

Бонус: Закулисье

В комнате

Один булочка: Ой-ой-ой, папочка такой тупой, даже не знает, что мы не люди! (Если бы ты не сказал, кто бы знал)

Другой булочка: Действительно глупый, он даже не сомневается в наших выдумках, так легко обмануть! (Пятидесятилетнему уже хватит притворяться малышом)

Остальные булочки: Глупые люди, скажите, кроме готовки, он вообще что-то умеет?

За дверью

<http://bllate.org/book/16785/1543500>